

ОБ УРАЛО-АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ РОДСТВЕ *

Одним из первых ученых, пытавшимся публично доказать, что финно-угорские (или «чудские», как он их называл) народы состоят в языковом родстве с народами Азии (маньчжурами, монголами и тюрками), был эстонский языковед Ф. И. Видеман¹. Таким образом, обмен мнениями по рассматриваемой здесь теме продолжается уже более ста лет.

По мнению Видемана, наиболее характерные общие свойства указанных выше семей языков касаются — в отличие от черт, объединяющих индоевропейские языки, — главным образом синтаксиса, однако при перечислении на первом месте упоминается входящая в структуру языка гармония гласных: 1) гармония гласных (*tä-ssä paika-ssa* «в этом месте»); 2) отсутствие грамматического рода; 3) отсутствие артиклей; 4) склонение, производимое при помощи окончаний (агглютинация); 5) посессивное склонение имен по лицам (притяжательные суффиксы); 6) обилие производных глагольных форм (фреквентатив, однократный вид и т. д.); 7) послелогии (предлогов нет); 8) обычная позиция определения перед определяемым словом (т. е. «rectus» предшествует «regens»); 9) отсутствие после числительных множественного или двойственного чисел имени исчисляемого объекта; 10) использование *ablativus comparativus* при сравнительной степени (*isä on poika* или *pojasta suurempi* «отец больше сына»); 11) употребление соответствия латинскому глаголу *esse* (*minulla on* «у меня есть») вместо соответствия глаголу *habere*; 12) существование в большинстве урало-алтайских языков особого отрицательного глагола (*e-n, e-t, ei*, венгк. *e-*; производное слово *äntä*, встречающееся в тюркских языках и выражающее невозможность, происходит, по мнению Г. И. Рамstedта, от отрицания *e-*); 13) вопросительная частица; 14) предпочтительное употребление так называемых «присоединительных» глагольных форм (причастных или деепричастных конструкций), а не союзов.

На соответствия уральских и алтайских языков в области синтаксиса обращали в наше время внимание главным образом венгерские ученые, например Д. Р. Фокош-Фукс и Е. Беке. Фокош-Фукс уже в одной из своих первых работ сравнивал в 73 пунктах замеченные им синтаксиче-

* Из протоколов Финской Академии наук.

¹ F. J. W i e d e m a n n, Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mitteleuropas (было опубликовано в 1838 г. в программе открытия Ревельской гимназии — см. об этом: E. N. S e t ä l ä, Dem Andenken F. J. Wiedemann's, «Finnisch-ugrische Forschungen», V, 1905, примеч. 2 к стр. 3). Первым, кто высказал подобное мнение, был, насколько известно, В. Шотт (см.: W. S c h o t t, Versuch über die tatarischen Sprachen, Berlin, 1836). М. А. Кастрен также придерживался подобного взгляда (см.: M. A. Castrén, Dissertatio Academica de affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica, Helsingforsiae, [1839], примеч. 19 к стр. 26; его же, Nordiska resor och forskningar. II, 1845, стр. 91; III — 1846, стр. 154—156; его же, Nordische Reisen und Forschungen. V, St.-Petersburg 1849, стр. 107).

ские сходства финно-угорских и тюркских языков — те, которые или неизвестны индоевропейским языкам, или же представляют в них весьма редкие явления². Так, в финно-угорских языках с глаголами *jääda* “оставаться” и *jättää* “остаться” употребляется падеж вхождения (*jääda* и *jättää johonkin*), то же самое видим для соответствующих глаголов в тюркских языках. Слова, означающие искание, собирание, нахождение, употребляются в финно-угорских языках с исходным падежом: *löysin aarteen maasta* (ср. нем. *ich fand in der Erde einen Schatz*); так же *ostaa jotakin jostakin*, эст. *ma ostsin sed turult* (но нем. *ich kaufte es auf dem Markt*); далее: *tuntea joku jostakin*. Напротив, падеж вхождения: *mies kuoli nälkään, veteen, tautiin* (ср. нем. *der Mann starb Hungers, im Wasser, an Krankheit*); *hän myi talonsa tuhanteen ruplaan* (ср. нем. *er verkaufte sein Haus für 1000 Rubel*). Падеж нахождения: *hän on kalassa, marjassa, heinässä*, нем. *er fängt Fische, pflückt Beeren, sammelt Heu* и т. д. В своей последней обобщающей монографии по общезыковой философии, являющейся апологией семасиологических и синтаксических доказательств, Д. Р. Фокош-Фукс наибольшее внимание уделил проблемам урало-алтайского языкового родства³.

В области морфологии уральских и алтайских языков вскрывается тоже удивительно много сходств, даже детальных, особенно в части местоимений, хотя следует признать, что сходства обнаруживаются и при сопоставлении этих языков с индоевропейскими, а также наличествуют в языках, занимающих более отдаленное географическое положение. Шведский финно-угровед Б. Коллиндер, пытавшийся в свое время при помощи данных морфологии показать первоначальное родство уральских языков с индоевропейскими и юкагирскими языками, именно на основании морфологических сходств пришел к выводу, что уральские (т. е. финно-угорские и самодийские) и алтайские языки могут состоять в первоначальном родстве⁴. Этим возможным сходствам уделялось внимание в моей работе о морфологии тюркских языков⁵.

Приведу несколько примеров из результатов моих исследований. Кроме уже приведенных Б. Коллиндером личных местоимений 1 и 2-го лица *minu-*, *sinu-* < **tinu* (= монг. *minu*, *činu* < **tinu*), также и в 3-м лице имеется, по-моему, соответствие финно-угорскому в алтайских языках. Это до сих пор не объясненный притяжательный суффикс 3-го лица фин. и тюрк. *si* (якут. *tä* < **zä*), чередующийся с суффиксом *i* (в маньчжурском существует самостоятельное слово *i* “он”, ср. монг. *inu*); чередование *-si* ~ *-i* является, по-видимому, влиянием синтаксической фонетики или ударения. С другой стороны, указательное местоимение тюркск. *ti-* (*gi*) “jener dort” также может быть соответствием финского местоимения *tä-(mä)*, так же, как *tu(yu)* “siehe dort” > “jener” соответствием местоимения фин. *tu*. Вопросительные местоимения тюрк. *kim*, *kim*, монг. *ke-n* могут быть соответствиями финского местоимения *ku-ka*, *ko-ska*, *ken*, *ke-*; монг. *ja-gu* — соответствием финского соотносительного местоимения *jo-ka*, чувашское вопросительное местоимение *тәп* — соответствием финского вопросительного *mi* (*-kä*) (ср. также тюркские вопросительные суффиксы *mi*, *то*, *ти*).

Из сопоставимых падежных форм коснемся здесь следующих: генитив-инструментал, имеющий в обеих группах языков окончание *-n*; локатив-

² D. R. F u c h s, Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen, «Finno-ugrische Forschungen», XXIV, 1—3, 1937.

³ D. R. F o k o s-F u c h s, Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altäischen Sprachverwandtschaft, Wiesbaden, 1962.

⁴ B. C o l l i n d e r, La parenté linguistique et le calcul des probabilités.

⁵ M. R ä s ä n e n, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen («Studia Orientalia», XXI), Helsinki, 1957.

аблатив — тюрк. *-da*, монг. *-du*, фин. *-ta* ~ *-da*, который первоначально был исходным падежом, но из которого развился как в якутском, так и в финском языке частичный падеж неопределенного объекта; латив — тюрк. *-ka*, финно-угор. *-k*; транслатив — фин. *-ksi*, *-kse*, ср. редко встречающийся монг. латив *-gsi* (*taakse*, *taaksi*, *taas*, ср. монг. *činagsi*); в эвенкийском языке это окончание выступает в виде метатезы *-ski*⁶.

Окончания порядковых числительных тюркских языков *-m*, *-m-si*, *-m-č*, *-m-t* имеют то же самое происхождение, что и *-mt-*, *-mč-* в финно-угорских языках⁷.

Некоторые производные глагольные формы имеют соответствия в той и другой группах языков: тюркский каузативный суффикс *t* сопоставим с финно-угор. *kt*; финское рефлексивное *u*, *pu* имеется также в алтайских языках — ср. тюрк. *u*, монг. *bu*, эвенк. *wu*, *u*; финскую многократную форму *ele* (*astele-*, *kävele-*) можно сопоставить с тюрк. *älä* (*ala*) и т. д.

При переходе к фонетической структуре следует прежде всего отметить довольно значительное число власных и соответственно малое количество согласных, что свойственно всем уральским и алтайским языкам и, наоборот, не характерно для соседних семей языков. Сюда можно отнести также невозможность стечения нескольких согласных в начале слова; добавим, что сочетания согласных в конце слова редки, их избегают и в середине слова. Б. Коллиндер считает гармонию власных первоначальным уральским явлением; она встречается также во всех алтайских языковых группах.

Важным критерием при изучении языкового родства следует считать те из общих словарных элементов, которые не входят в наслоения заимствованных слов, вызванные поздними культурными влияниями. В этом отношении гипотеза Г. Вамбери о венгерско-тюркском родстве оказалась в том смысле вводящей в заблуждение, что большая часть сравниваемого им материала являлась результатом сравнительно поздних соприкосновений, относящихся к тому времени, когда венгры, по свидетельствам исторических источников, уже имели тесные контакты с различными тюркскими племенами. Общий же словарный фонд восходит ко времени за несколько тысяч лет тому назад — если даже со всеми предосторожностями допустить, что уральский языковой период закончился уже в первой половине четвертого тысячелетия, урало-алтайская эпоха отодвигается еще на несколько тысячелетий назад.

Обширнее всего урало-алтайская лексика представлена в диссертации О. Соважо; она касается истории некоторых звуков и содержит 214 попыток сближения слов финно-угорских языков, с одной стороны, и алтайских, с другой⁸. Собранный материал, имея почтенный объем, изложен без критики — это касается как уральской части, так и в особенности алтайских языков.

Со своей стороны, уже давно обратив и в этой области внимание на возможное первоначальное родство уральских и алтайских языков, я пришел в этом отношении к положительным выводам и возвратился, таким образом, преимущественно к точке зрения Кастрена. Соответствующие лексические сопоставления неоднократно публиковались мной в различных журналах. Излагаю ниже часть этих сопоставлений.

Уровень духовной культуры урало-алтайцев отражают, между прочим, некоторые относящиеся к общественной терминологии слова — такие,

⁶ Ср. также: J. N é m e t h, NyK, XLVII, 62.

⁷ См. об этом: M. R ä s ä n e n, «Verba docent», Helsinki («Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia», 263), стр. 87—88.

⁸ A. S a u v a g e o t, Recherches sur la vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1930.

как фин. *kylä* “деревня”, венг. *falv*, у обоих имеются хорошо обоснованные соответствия в алтайских языках. Возможно, фин. *käräjät, keräjät* “суд” сближается с монгольскими словами *gere* “свидетель; свидетельство”, *gerijes* “завещание” с тюрк. *kär-ti, kär-čäk* “правда”. В названиях, касающихся родства, соответствия имеют, по крайней мере, финские слова *käly* “невестка”, *poika* “сын”, *emä* “мать”, венг. *öcs* “младший брат”. На область шаманизма указывают слова *agra* “жребий”, венг. *orvos* “врач”, фин. *kirota* „проклинать, ругаться“ (ср. например, средневековотюрк. *kyryya, karya*, якут. *kyra*, монг. *kari-ja*), фин. *lumota* “зачаровывать” (тюрк. *jot*, монг. *dot* или эвенк. *путьа*, олча-эвенк. *пигта*, эвенк. *пимкан*; в алтайских языках *l* в начале слова заменено другими согласными); фин. *saarna* “проповедь”, карельское соответствие которого означает “сказка” (тюрк. *saryn* “песня”, *sarna* “петь [в том числе и] причитания”, “пировать”); фин. *kannus* “шаманский барабан”, саам. *kobdes* (монг. *kobda* “колчан”).

В лексике, касающейся материальной культуры, также многое сопоставимо. Фин. *kota*, узб. *kota* “дом, комната”; монг. *kota(n)* указывает, по-видимому, не на строение в виде палатки, а на огороженный двор (“Zaun, Einzäunung, alle Haustierte”, даже “Stadt”), и заимствовано тюркскими языками в значении “хлев”; далее, возможно, сопоставимы *ovi* и *uksä* “дверь”. Касаясь слова *kota*, можно отметить заслуживающие внимания параллели в названиях стран света, которые указывают на то, где находилась дверь шалаша или палатки. Уже в древнетюркских рунических надписях имеются доказательства того, что дверь находилась на восточной стороне, потому что “восток” = “передняя сторона”, “запад” = “задняя сторона”, “юг” = “правая”, “север” = “левая”. У финно-угров в этой части была такая же система обозначений, как у монголов, т. е. дверь *kota* помещалась на южной стороне: монг. *emün* означает и “передняя сторона” и “юг”, монг. *agi* и тюрк. *jyryagi* “задняя сторона” и “север”. Так же финские слова *perä* “задняя часть” и *rohja* “дно” означают “Boden”, “Norden,” а саамское *boáššo* — “der Hinterteil des Zeltes”. Напротив, в олча-эвенкийском языке соответствующее финскому *perä* слово *perg-g* означает “Boden”, *per-hi* “Westen”, точнее: “der Hinterteil des Zeltes”. Значит, в этом отношении олча-эвенкийский язык придерживается той же системы, что и древнетюркские языки; из современных тюркских языков, насколько известно, только якутский продолжает придерживаться этого способа обозначений: *ilän* “передняя сторона” и “восток”; *arva* с первоначальным значением “спина”, а как страна света — “запад”; *ura* “правый” и “юг”; *saras* “левый” и “север”⁹. Названия стран света во многих современных тюркских языках происходят от восхода и захода солнца, например в турецком языке “восток” = *dogu* “восход”, “запад” = *batu* «заход». Так же страны света обозначаются и во многих других языках и языковых группах — в венгерском языке, в славянских языках и т. д. Сюда же относится, по-видимому, фин. *itä* “восток”, производным которого является глагол *itää* “keimen; ausschlagen” (ср. тюрк. *it, üt* «stossen», якут. *üt* “толкать”, чуваш. *jät* “heben” > венг. *üt* “schlagen, stechen”).

Из названий транспортных средств мной указывались соответствия финского слова *siksi* “лыжа” и слов, означающих различные типы лыж в хантыйском и мансийском, а также слово *purilaa* “волокуша”. Можно отметить также некоторые общие названия обуви. Искусство разводить огонь было общеизвестным, на что указывают фин. *puotio* “костер” (эвенк. *пои* “зажигать”), *keittää* “варить”, *kiehua* “кипеть”; венг. *jő* “кипеть” (эвенк. *пууи, хују*, “варить”). В алтайских языках имеются соответствия финскому сло-

⁹ См. об этом, например: G. R ä n k, Das System der Raumeinteilung in den Behausungen der norduralischen Völker, II, Stockholm, 1954, стр. 26.

ву *äimä* “большая игла”, а также словам фин. *kuroa*, самодийск. *kura-* “вязать сеть” (тюрк. *kura-* “связывать”), фин. *sitaa* “вязать” (монг. *side* “связывать”). Из оружия был известен, по крайней мере, лук со стрелами, возможно также саамский *bul'do, puldu* “тупой топор”; это слово Т. Итконен считает первоначальным названием каменного топора (тюрк., монг. *balta, baltu* “топор”). Из других слов, указывающих на примитивную технику, можно назвать финск. *kaiuaa* “рыть” (соответствия которого как в уральских, так и в алтайских языках имеют также значение “лопата”), *kontti* “котомка” и *kansi* “крышка”. Недавно были приведены несколько этимологий, которые показывают, что урало-алтайские народы в период их общности были не только искусными ловцами пушных зверей, но и умели обрабатывать меха¹⁰. На это указывает много общих слов. Прежде всего, в северных прибалтийско-финских языках встречается слово *turkki* “шуба” и его производное *turkis* “пушнина” (основа *turkikse-*), которое в эвенкийском языке тоже выступает как производное в форме *terge-kse* “обработанная шкура оленя”. Финский глагол *nylkeä* “сдирать кожу” имеет в тюркских языках соответствие *jül* в том же значении, а в эвенкийском производное *nulu-vun* означает “инструмент для обработки шкуры”. Далее, саамское *tsagge* “Spanner beim Ledertrocknen”, от которого происходит фин. *sinka* в том же значении, *sinkua* “sich dehnen”, хант. *šenkatta* то же самое ~ эвенк. *sunji, hunji* «Leder ausspannen». Финский глагол *tuokata* “обрабатывать” имеет соответствие в эвенкийском: *tozza* «Leder bearbeiten». Уже было указано также и то, что понятия “свой” и “имущество” (фин. *oma, omaisuus*) часто происходят у этих народов именно от “обработанной” “кожи”, являвшейся для охотничьих народов лучшим имуществом, в то время как в кочевническую эпоху имуществом был скот; таким образом, эвенкийский глагол *imī-ttēj* “размятчать кожу”, возможно, связан с фин. *oma* «свой».

Гипотезу о том, что собака была выведена из лисицы, подтверждает, по крайней мере, фин. *peni(kka)* «щенок» и его алтайское соответствие, означающее вообще детеныша дикого зверя и в монгольском языке лисицу, ср. также монг. *pokai* «собака», уральское соответствие которого является названием лисицы. По-видимому, к урало-алтайскому периоду относятся одомашнение оленей. Доказательством этому являются многие восходящие к общей основе названия оленей; в более южных алтайских языках многие из этих названий стали, однако, означать верблюда. Упомянем здесь фин. *rogo* «северный олень», саам. *roargo* (якут., карагаск. *bür* «олень-самец»), саам. *konte* «олень» (монг. *kandagaj* «лось», эвенк. *kandak*), саам. *boaco* «олень» (эвенк. *bucan, bocan*, также татарск. и башк. *puşu*); мордов. *šardo* «лось, олень», которому может соответствовать сев.-тюрк. *sardak, sartak*); фин. *teva, tevana* «лось-самец» (тюрк. *teve*, монг. *temege* «верблюд»). Саам. *kiev*, означающее вообще «самка», получило, по-видимому, позднее в ливском (*kēv*), а также в монгольском и эвенкийском значении «кобыла».

Из диких животных крупные звери, такие, как, например, медведь и волк, в связи с их почитанием и табу не раз получали новые имена (эвфемизмы), так что бесполезно искать их первоначальные наименования. Общие же названия более мелких животных часто сохраняются: фин. *ilves* «рысь» (ср. значащее то же самое уйг. *irbis*, но монг. *irbis* «леопард»; возможно, финское слово сопоставимо с якут. *ilbis* «коварный; дух кровожадности»); фин. *saarva*, вепс. *sagarm*, самодийск. *särmik* «дикое животное, волк» (якут. *sārba* < *šagarma* «куница; соболь», эвенк. *šagai* «соболь») и венг. *hód* «бобр» (алт. *kumduš* в том же значении); фин. *hiiri* «мышь» ~ эвенк. *šijir* то же самое.

¹⁰ M. R ä s ä n e n, Über die Lederbearbeitung der ural-altaischen Völker, UAJb, XXXI, 1959.

Названия птиц: фин. *kotka* «орел» (эвенк. *gus, gušata* то же самое, тюрк. *kuš* «птица», в некоторых тюркских языках — «орел»), далее *joutsen* «лебедь», *pyu* «рябчик», (*palo*) *kärki* «черный дятел», *kurki* «журавль», карельск. *kūkša* «кукша»; *kaleva* «чайка» (тюрк. *kailak*, бурят. *kala*, эвенк. *kelaе*), *tiira* (эвенк. *tūraxi*). Названия птиц часто возникали как звукоподражательные (в соответствии с издаваемыми ими звуками), и поэтому они могли самостоятельно развиться в разных языках. Старинным общим словом может быть также фин. *muna* «яйцо».

Общих названий рыб имеется так мало и они настолько недостоверны, что возникает вопрос, занимался ли вообще древний урало-алтайский пранарод рыболовством, как это позднее делали уральские и финно-угорские народы. По-видимому, эти древние кочевые племена обращали основное внимание на ловлю пушных зверей и на оленеводство. Тем не менее, из названий рыб можно привлечь следующие: *särki* «плотва», *maima*, *toutain* (ср.? якут. *tūt* «лосось-нельма»), *seipi* (ср.? якут. *džajba* — какая-то озерная рыба). Сопоставимы названия некоторых пресмыкающихся и насекомых: *sisilisko* «ящерица» (эст. *sisalik*); *koi* «моль»; *paarma* «слепень», саам. *boago* «слепень» (тюрк. *hāry, aru* «пчела», «оса» < **pāry*), марийск. *karmo* «муха», мордов. *šarko* «гнида»; фин. *täi* «вошь» (ср. эвенк. *ti*).

При изучении вопроса о первоначальном родстве языков особенный вес придают названиям частей тела, так как они реже заимствуются из одного языка в другой. В этой области в уральских и алтайских языках имеется много материала, используемого для сопоставлений. Прежде всего, фин. *räi* «голова» < **rāñä*, тюрк. **bāñ* или **bāñi* бытует во всей тюркской языковой группе в значении «мозг», в якутском же его соответствие обычно означает «голова»; ср. также монг. (*h*)*eki* «голова», маньчж. *feki* «мозг». Далее, фин. *kalki* «волос»; фин. *sierain*, саам. *sieñña* «ноздря»; фин. *kieli* «язык», *pii* «зуб», саам. *bāvsä* «губа»; фин. *nikata* «позвонок», *kainalo* «подмышка» (якут. *xōjn* означает то же самое, но вместе с тем, как и в других тюркских языках, еще и «грудь»), фин. *kouga* «горсть», *pivo* «горсть», *kynsi* «ноготь», *sydän* «сердце», *ydin* «мозг», *suoli* «кишка», *kuu* «сало», удм. *horod* «железа». Из частей тела животных: фин. *säkä* «загривок; холка» (ср. монг. *seger* «верхняя часть спины»), *tohlo* «мягкая сердцевина рогов и когтей» (ср. тюрк. *tugul, tokul*, калмыцк. *dugl* в том же значении) и т. д. В этой связи можно упомянуть названия выделений — фин. *sykki* «слюна» и *kuynel* «слеза», венг. *nyál* «слюна, слизь», а также названия явлений болезни — финск. *syylä* «бородавка», *sokea* «слепой», *märkä* «гной».

Для определения прародины часто используют названия растений. Следует, однако, принять во внимание, что, например, названия деревьев могут на новых местах жительства означать другие, родственные деревья, как и названия животных могут быть заменены другими названиями родственных или похожих животных, что было уже отмечено выше. Общих названий деревьев и других растений, важных с точки зрения натурального хозяйства, в уральских и алтайских языках имеется достаточное количество: фин. *kuusi* «ель», монг. *kuši* «карликовый кедр»; напротив, одно угорское название карликового кедра, хант. *teḡöt* и т. д., было заимствовано в эвенкийский язык в форме *takty-kān*, а мансийское соответствие *tūt* этого хантыйского слова широко распространилось в тюркских языках в той же форме, но получив значение «лиственница»; это слово встречается уже в уйгурских источниках и в глоссарии Махмуда Кашгарского. Далее, фин. *petäjä* «сосна», марийск. *pündžö* и т. д. (ср. якут. *bās* то же самое, сойотск. *röš* и т. д. «сибирский кедр»); также фин. *koivu* «береза», *tuomi* «черемуха», *pihlaja* «рябина», *kataja* «можжевельник», *raju* «верба, ива». Слова фин. *naava* «лишайник» и *jäkälä*

«ягель» (тюрк. **jägäřä* «мох») наводят на мысль о раннем одомашнении оленя. Части растений: фин. *kuori* «кора», *tyvi* «комель», несколько названий корня и удм. *tuj* «береста», а также *tumä* «растительный клей» (ср. якут. *tümädži* «камбий»).

К этому перечню можно было бы еще добавить лексический материал, в который входят, между прочим, названия небесных тел и явлений природы, а также топографические термины (из которых многие указывают на северный климат), прилагательные, первичные глаголы и т. д. Следует, однако, помнить, что многие слова бытуют только в одной определенной алтайской языковой группе, причем некоторые — на очень ограниченной территории. Тем не менее, настолько обильный лексический материал (за вычетом даже и возможно отбрасываемых слов) является все же важным фактором при установлении урало-алтайского языкового родства.

По приведенным сопоставлениям можно хотя бы отчасти судить об уровне древней урало-алтайской цивилизации. Напротив, вопрос, касающийся местонахождения общей прародины, приходится обсуждать в весьма широких рамках. Г. И. Рамstedt считал урало-алтайское первоначальное родство невозможным по географическим причинам (он помещал урало-алтайскую прародину приблизительно в район Южной Маньчжурии). Однако обсуждаемая здесь тема связана с гораздо более ранними временами. Кочевники того времени (которые не были рыбаками и мореходами) передвигались на собаках, оленях и на лыжах на огромных пространствах, отыскивая богатые дичью и пушниной местности по всей Северной Азии. Отсутствие археологического материала (т. е. находок селений и групповых могил), при том, что громадную территорию Северной Азии нельзя считать в этом аспекте уже картографированной, также не дает пока повода к сомнению относительно высказанной мною гипотезы об урало-алтайском языковом родстве: бытовой уклад людей мезолитического периода мог быть таким, что они не оставили последующим поколениям никаких археологических доказательств о своем существовании¹¹.

По сведениям К. Доннера, западные эвенки совершали в свое время охотничьи экспедиции далеко на запад, доходя даже до полуострова Канина. Возможно, они продвигались еще дальше к западу. Доказательством этого можно считать название находящегося на Кольском полуострове озера *Imandra*, которое, по-видимому, происходит от слова *imandra*, бытующего в говоре западных эвенков на реке Сым и означающего «снег» (у других эвенков *imanda*, *imanna*). Название водопада *Imatra* может иметь то же происхождение, т. е. означать «Снежный водопад», и дано водопаду из-за его белой пены. У этих же западных эвенков словам *dipna*, *dunda* «земля, лес», употребляемым другими эвенками, соответствует слово *dundra*, от которого через посредство русского языка получен термин *tundra*. Я думаю также, что входящие в топонимию Финляндии названия больших водных систем, которые не могут быть объяснены на основе лексики финских, саамских или индоевропейских языков, могут быть названиями, которые употребляли дошедшие сюда эвенки. Так, названия таких географически близких рек, как *Kemi (joki)* и *Simo (joki)*, встречаются довольно часто на севере СССР. Возможно, эти гидронимы сопоставимы с древним тюркским названием Еврисей — *Kem* и названием его крупного западного притока *Sym*, напоминающим *Simo*.

Перевел с финского А. А. Щербаков

¹¹ Показательным в этом отношении является, например, известие о погребальных обрядах, существовавших у якутов еще в прошлом столетии: труп считался в такой мере нечистым, что его относили в глубину леса, клали на сук дерева на растерзание диким зверям и поспешно убегали прочь.